

**Муниципальный тур Всероссийской олимпиады по литературе
2016-2017 уч. год**

9-й класс

Дорогие участники олимпиады!

Предлагаем вам выполнить задания, которые помогут определить уровень вашей литературной эрудиции, культурный кругозор и умение выражать собственное мнение.

Работа состоит из двух туров. 1-ый тур - **одно аналитическое задание** (время выполнения **3,5 астрономических часа**, максимальный балл – **70**) и **2-ой тур - творческое задание** (время выполнения – **1,5 астрономических часа**, максимальный балл – **30**). Внутри общего времени (**5 астрономических часов**) вы можете распределять количество времени для работы над аналитическим и творческим заданием самостоятельно. Максимальный общий балл за работу – **100 баллов**.

В качестве первого задания вам предлагается провести **целостный анализ текста** – прозаического **ИЛИ** поэтического. **Выбор типа текста – ваше право.**

Второй тур – творческий.

Он должен выявить Ваши творческие способности, умение создавать разные по жанру и стилю тексты, готовность решать нестандартные (с точки зрения школьного обучения) филологические задачи, выступать в различных ролях: роли редактора, журналиста, писателя, рецензента, популярного блогера, комментатора, учёного и в других ролях, требующих филологической подготовки, широкого литературного и культурного кругозора, языкового чутья и художественного вкуса.

Комментарии и критерии оценивания творческого задания

Задание выполняется на отдельных листах, при этом переписывать формулировку задания не нужно.

Работа пишется в прозаической форме. Объем работы не регламентируется и не влияет на оценку выполнения задания.

Если вы использовали черновик, сдайте его вместе с работой.

Постарайтесь рационально использовать отведенное время. Обязательно оставьте время на проверку работы.

Надеемся, что выполнение задания будет для вас увлекательным и полезным занятием.

Желаем успешной работы!

Аналитическое задание (70 баллов)

Вариант 1

ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ПРОЗАИЧЕСКОГО ТЕКСТА

А вы уже читали книгу Андрея Жвалевского и Евгении Пастернак "Смерть мертвым душам!""? Тогда Вашему вниманию предлагаются отрывки из этой книги (2013 г.) Выполните целостный анализ предложенных глав текста, приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации:

- композиционные особенности текста, введение повествователем «чужой» точки зрения на обсуждаемую проблему;
- включение культурно-значимых цитат в речь персонажей;
- соотношение авторской позиции и позиции героев рассказа.

Определить собственное отношение и понять проблематику текста вам помогут вопросы теста. Как бы вы ответили: нужны ли вам, школьникам, современные книги ?

- ☐ Очень!
- ☐ Не помешали бы
- ☐ Зачем? Классики вполне достаточно
- ☒ Нет, вообще не читаю
- ☐ Читаю другие жанры

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Глава 1

Лед тронулся

Валя одним махом взлетела по ступенькам к бабушкиной библиотеке. Ступеньки были старые, и ходить по ним было страшно — особенно когда на них блестел февральский ледок, — зато не страшно было летать. Валя давно наловчилась оттолкнуться от первой, вторую и третью перепрыгнуть, потом еще раз оттолкнуться от четвертой, но не в центре, а в углу, где плитки не такие потрескавшиеся, и если все правильно рассчитать, то приземлиться можно прямо перед дверью. Если повезет, то на ноги. Если как обычно, ... короче, как обычно.

Валя с трудом оттянула старую дверь, всунула между нею и косяком портфель, чтоб не прихлопнуло, и быстренько вытерла испачканную ладонь о пальто. Ушибленное колено саднило, но не сильно. Бывало и хуже.

— Валюта, это ты?

Девочка вздрогнула и проскользнула вперед. Колокольчик над головой звякнул, кот под ногами мявкнул.

— А кто ж еще... — буркнула она, а потом крикнула: — Я, бабушка!

— Колени целы?

— Ну... Почти...

Валя, прикрывая колени портфелем, вошла в кабинет, где за столом сидела бабушка. Она у нее была самой-самой настоящей — в большой серой вязаной кофте. И пирожки у нее были наивкуснейшие. С капустой. И яблоками. А свои ослепительно седые волосы бабушка после юбилея начала собирать в правильный бабушкинский пучок. «Мне теперь, — смеялась она, — шестьдесят с хвостиком».

Бабушка достала термос с супом и раскладывала столовые приборы.

— Я мыть руки! — отрапортовала Валя, отшвырнула портфель в угол и отправилась в туалет.

В зале абонементов на нее со всех сторон уставились книги. Как только Валя заходила в любое помещение библиотеки, книги начинали на нее таращиться. Раньше она ругалась, просила отвернуться и не висеть над душой, но со временем привыкла.

Ну книги и книги. Смотрят и смотрят. Молчат же!

Хотя иногда Вале казалось, что книжное молчание сгущается, становится таким выразительным, что прямо дух захватывает. В такие моменты хотелось взять в руки какую-нибудь книгу. Наверное, чтобы отвлечься. Или чтоб убедиться, что они не живые, не кусаются и не могут говорить.

Валя провела рукой по корешкам пятой полки, выше она не доставала. Встала на носочки. Достала до краешка шестой. Почему-то сегодня именно эта, недостижимая полка манила ее со страшной силой.

Валя подтащила лесенку, влезла на нее, схватила с полки книжку и жадно распахнула на первой попавшейся странице.

«В продолжение рассказа Остап несколько раз вскакивал и, обращаясь к железной печке, восторженно вскрикивал:

— Лед тронулся, господа присяжные заседатели! Лед тронулся»¹.

Валя посмотрела в окно. Когда стоишь внизу, дома загораживают горизонт, но отсюда, со стремянки, виднелся краешек городской речушки, затянутой темным льдом. И — вот совпало! — именно тогда, когда Валя бросила взгляд на реку, лед на ней треснул и вздыбился.

— Что ты там делаешь?! — удивилась бабушка, выходя из кабинета. — Немедленно слезай!

Валя слезла, но медленно.

— Баб! Со мной книжка разговаривает! Она сказала, что лед тронулся, — и он тронулся! То есть треснул! Вот смотри!

Как назло, книжка захлопнулась.

Но бабушка поверила им на слово. По крайней мере, торжественно кивнула:

— Конечно, книжки с нами разговаривают. Я-то знаю! Я уже тридцать шесть лет их слушаю!

Валя все-таки пыталась разыскать вещую страницу. Не столько для бабушки, сколько для себя. Однако книга раскрылась на совершенно других словах.

«В этот день бог послал Александру Яковлевичу на обед бутылку зубровки, домашние грибки, форшмак из селёдки, украинский борщ с мясом первого сорта, курицу с рисом и компот из сушеных яблок»².

— Вот видишь, — сказала бабушка, — даже книжка говорит тебе, что пора перекусить.

Междуглавие 1

Напрасная трата времени

— Не понимаю! — Если бы у Энциклопедии были плечи, она бы ими пожала.

А так — глубоко и презрительно вздохнула.

— Не понимаю! Жизнь и без того коротка. Сырость, солнце, жучки, дети — все они ведут нас в могилу, так стоит ли тратить драгоценные секунды на общение с... этими?!

¹ Илья Ильф и Евгений Петров. *Двенадцать стульев*.

² Илья Ильф и Евгений Петров. *Двенадцать стульев*

Под «этими» Энциклопедия — и не она одна — понимала ничтожных людишек, что копошатся там, внизу.

— Да! Измельчали людишки! — гаркнул с нижней полки том с колосящейся рожью на обложке. — Русский человек издревле тянулся к книге, а теперь?

— Русский человек, — строго поправила Энциклопедия, — издревле был неграмотен...

— А кто притащил неграмотность на Русь, а? — Ржаной том, казалось, сейчас перепрыгнет через проход между шкафами и вцепится обидчице в переплет. — На Руси издавна писали на бересте! Издавна!..

— А еще сбор макулатуры! — сказал Ильф-и-Петров, прерывая историческую дискуссию. Патриотически настроенный том закашлялся от возмущения. Толстую Энциклопедию передернуло так, что переплет затрещал.

— А макулатура тут при чем?! При чем тут эта гадость?!

— Ну как же? Придут дети за макулатурой, посмотрят, какие книги потолще...

— Они не посмеют! Я — Эн-ци-кло-пе-ди-я! Кладезь! Выверенное хранилище знаний...

— ...которое никто не открывал уже два года, — снова влез Ильф-и-Петров.

Энциклопедия задохнулась от возмущения.

— Дурак! — сказала она неинтеллигентно. — И затея твоя дурацкая! Не о чем с людьми разговаривать!

— Потому что духовности нет! — поддержал недавнего противника «ржаной» том.

Ильф-и-Петров тихонько хихикал.

Энциклопедия крикнула наверх, где солидно выстроились собрания сочинений:

— Эй! Классики! А вы что скажете?

— А что тут говорить? — неохотно ответил один из томов Толстого. — Все уже сказано.

Читайте нас. А всякую ерунду новомодную не читайте.

Толпа серийных книжек с когда-то яркими, а теперь захватанными обложками невнятно загудела на нижней полке, но Ильф-и-Петров не дал им высказаться.

— Макулатуре слова не давали! — прикрикнул он.

Серийные испуганно замерли.

— Скучно же... — вздохнул Ильф-и-Петров. — Читают нас мало, а так хочется поговорить.

Глава 2

«Если идти все прямо да прямо...»

Ник брел куда глаза глядят.

Хотя нет, глаза глядели строго вниз, в утопанный снег. Он с удовольствием провалился бы сквозь этот снег — не от стыда, а просто от тоски. Скоро каникулы, полкласса поедет в Питер, а он останется дома — у мамы опять нет денег.

Ник сердито пнул пакет, попавшийся под ногу.

Из пакета неожиданно вылетела книга, раскрывшись на ходу и суетливо шелестя сотней крылышек. Ник заинтересовался и пошел поднимать.

Это оказалась книжка с простеньким рисунком на обложке — анимешного вида пацан в длинном плаще и со шпагой в руке. Причем на шпагу он опирался, как на трость, а плащ расширялся книзу, как ласточкин хвост. Ник пролистнул несколько страниц и застрял на строчке:

«...Если идти все прямо да прямо, далеко не уйдешь...»³. «Точно, — подумал Ник, — совсем как я».

Он подул на забившуюся между страницами грязь, похлопал по обложке — и заметил под ней картонку. На секунду ему представилось, что там лежит забытый кем-то конверт с

³ Антуан де Сент-Экзюпери. *Маленький принц* (перевод Норы Галь).

деньгами, но это была всего лишь библиотечная бумажка, на которой отмечают срок выдачи и возврата книги. А на титульном листе красовался полустертый штамп библиотеки...

* * *

Заметив у входа вскоченного мальчишку в мятой куртке и потрепанных джинсах, Елена Степановна сразу насторожилась.

— Вот, — сказал мальчишка, не размениваясь на «здрасьте». — Это ваше.

Он сунул книжку ей в руки и развернулся, чтобы уйти.

— Погодите! — остановил его удивленный голос. — Хотите чаю?

Елена Степановна и сама не понимала, зачем вдруг обратилась к этому неумытому пришельцу на «вы», но это сработало. Ник покосился на нее, медленно кивнул и повернулся. Не до конца, вполоборота, словно собирался сбежать при первой возможности.

Они пили чай довольно долго и разговаривали. То есть говорила только Елена Степановна — про то, что в библиотеку никто не ходит, кроме пенсионеров; что по штату положен хотя бы еще один библиотекарь, а его все не присылают; про внучку, которая хоть как-то веселит бабушку. Ник только кивал и глотал пирожки. Правда, имя свое назвал.

Когда он уходил, Елена Степановна попросила:

— Ты еще приходи, ладно? Ты мне очень понравился!

Ник покраснел и молча шмыгнул за дверь.

Бабушка осторожно протерла мягкой, чуть-чуть влажной тряпочкой «Маленького принца», которого считала давно и безнадежно потерянным, и спросила его по старой привычке библиотекаря:

— Ну что, придет Никита сюда еще раз?

Книга раскрылась на словах:

«И снова он покраснел. Он не ответил ни на один мой вопрос, но ведь когда краснеешь, это значит „да“, не так ли?»⁴

Междуглавие 2

Дома

— Кого я вижу! Неужели это вы, дорогой Принц! Вы вернулись! А мы были уверены, что вы застряли где-то в домашней библиотеке.

— Трудно это назвать библиотекой, но, да, я застрял. Жаль, никто меня так и не открыл за все это время. Честно говоря, я сбежал. Совершенно невыносимо находиться в доме, где кроме тебя только рекламные газеты и учебники.

— Но учебники — это уже немало.

— Дорогая Алиса, если б ты их видела! У них нет фантазии, они шуток не понимают. Я пытался научить их играть в ассоциации, но так и не смог объяснить правила игры. Вот с чем у вас ассоциируется слово «труба»?

— Оркестр!

— Нота!

— Конец света!

— Незнайка!

— Водопровод!

— Иерихон!

— Ребята, дорогие! Наконец-то я дома!

Глава 3

Идиллия

⁴ Антуан де Сент-Экзюпери. *Маленький принц* (перевод Норы Галь).

— Леночка! — Марья Эдуардовна закатила глаза. — Твой чай — это нечто!

Елена Степановна скромно улыбнулась.

Чай у нее всегда был знатный. Не какие-нибудь пакетики, а настоящие травы, которые бабушка с Валец собиpали в экологически чистых овpагах далеко за городом. Заварен дома, охлажден в холодильнике, принесен в термосе. Там были и тихий пустырник, и бодрая мята, еще какие-то растения, которые сама бабушка не знала, как назвать по науке, и использовала термины «желтенькие», «корявые корешки», «растопырки». Так учила ее бабушка, и так она сама учила Валу.

Кроме чая на столе стояли два пирога с яблоками, один с клюквой, огромная ватрушка и маленькие кренделечки с маком. Каждую среду на традиционном чаепитии в кабинете Елены Степановны еда становилось все больше, подружки-пенсионерки пытались поразить Друг друга выпечкой.

Вот и сейчас они сидели перед накрытым столом: объелись так, что едва дышали, а вкусовостей на тарелках вроде как и не убавилось.

В самом начале чаепитий по средам, которые образовались, в общем-то, случайно, Елена Степановна заявляла, что в библиотеке будет работать «литературный салон» и пыталась за столом поддерживать разговор о книгах, но чем дальше, тем реже бабушки вспоминали о литературе.

Говорили о внуках, о рецептах и о погоде. Вязали крючком, вышивали, приносили сухие букеты. Все это потом в огромном количестве стояло и висело по библиотеке. Выкидывалось только то, что совсем потеряло вид или запылилось до неузнаваемости.

Если бы не Афанасий, который периодически прореживал коллекцию этих ненужных «красивостей», на полках вскоре не осталось бы места для книг.

Вот и сейчас тишину нарушило котиное чавканье.

— Фу! Кому говорю! Фу! — взвилась Марья Эдуардовна.

Елена Степановна подняла с пола обмусоленную тряпичную куклу.

Марья Эдуардовна возмущенно потрясла седой головой и принялась куклу отряхивать.

— Разбойник!

— Мяу!

— Как ты мог!

— Мяу?

— Это же тончайшая вышивка! Тут же бусинки из этого... как его... Ладно, все равно уже ни одной не осталось. На! Ешь!

Кукла полетела на пол, и следующие несколько минут бабушки с интересом наблюдали за тем, как Афанасий пытается откусить ей голову.

— Вот и мы тоже скоро будем совсем никому не нужны... — грустно сказала Елена Степановна и стала убирать со стола. — Эх, сколько вкусного осталось... Пойду Никиту покормлю.

— А он еще здесь? — удивилась Марья Эдуардовна.

— А он всегда здесь, — махнула рукой заведующая. — Жалко мальчишку, такой хороший и такой недосмотренный. Я бы его родителям...

Гневную речь Елены Степановны прервала хлопнувшая входная дверь. Бабушки прислушались.

— Здравствуйте! — разнеслось через минуту по библиотеке. — Есть кто живой?

Елена Степановна вышла в зал абонемента и оглядела посетительницу. Она была высокая, рыжая, со смеющимися зелеными глазами.

— Здравсьте, — сказала гостья, чуть кивнув Елене Степановне. — Меня зовут Кира. Я буду проходить у вас практику!

Афанасий вышел из угла, сладко потянулся и возложил к Кириным ногам останки тряпичной куклы.

— Это мне? Какая прелесть! — обрадовалась Кира и почесала кота за ухом.

«Предатель!» — подумала Елена Степановна.

Междуглавие 3

Не к добру

Книги не сводили с практикантки настороженных глаз — или, вернее, корешков.

— Рыжая... Не к добру... — пробурчала Энциклопедия.

— И бодрая слишком, — согласился с ней Словарь.

— Слушай, Ильф-и-Петров, ты у нас специалист по разговорам с людьми, поговори с ней так, чтоб к нам не приставала, а? — попросила Энциклопедия.

— Что я вам — ужастик, людей пугать? — буркнул Ильф-и-Петров. — Это «Сумерки» у нас любят страху напустить...

— Засохни, а? — лениво отозвалась книга с вампиром на обложке.

— Из-за таких вот, иноземных, — подал голос том с рожью на обложке, — мы и растеряли духовность! А все почему? Сильной руки нет! Сильная рука смогла бы всех к ногтю!..

— К сильному ногтю? — уточнил Маленький принц, но ответа не дождался.

Энциклопедия глянула на полки классиков: там царила такая значительная тишина, что сразу стало ясно — думают о вечном.

— Кинг, вы как? — спросил Словарь. — Можете шугануть эту дамочку?

— Могу! — ответил Кинг. — Только мне помощь понадобится. Добровольцы есть?

Глава 4

Новая и рыжая

Валя раньше не видела бабушку такой — сухой и сжатой, как засохший лимон на тарелочке.

Даже голос у нее стал бесцветный. Она никогда не говорила про свою любимую библиотеку таким мертвым голосом.

— Это у нас абонемент, тут читальный зал, там... ох...

Елена Степановна присела на стул.

— Воды? — подскочила Кира.

— Нет! — отрезала Елена Степановна. — Обойдусь я без вашей воды!

Бабушка грубит? Валя так удивилась, что даже не испугалась бабушкиной грубости. А Кира, кажется, не понимала, что происходит что-то невозможное, спокойно шла вдоль стеллажей, рассматривала книги.

Оглянувшись на сердитую бабушку, Валя побежала за практиканткой.

— А вы знаете, что книги умеют разговаривать? — выпалила Валя.

— Конечно! — спокойно ответила Кира и сняла с полки затертый томик.

— «Вдруг свет погас, выстрел и ее крик!»⁵ — громко прочитала она.

Но вместо того, чтоб испугаться, Кира засмеялась:

— Напугать меня решили? Ну-ну. Мы еще посмотрим, кто кого напугает.

— Я давно поняла, что книги страшные консерваторы, — сказала Кира. — Ты знаешь, кто такие консерваторы? Те, кто не хочет, чтобы в жизни что-то менялось. Они привыкли жить, как живут, и боятся перемен.

— Сейчас я вам погадаю, товарищи книжки, — заявила Кира и пристально оглядела стеллажи, пошла к дальнему, наклонилась и вытащила с полки книгу. Вале показалось, что книжка при этом упиралась изо всех сил.

— «Дом предназначен на слом. Извините,

Если господствуют пыль в нем и мрак.

Вы в колокольчик уже не звоните.

Двери распахнуты. Можно и так»⁶, —

громко прочитала Кира.

— Где вы видите пыль? — голос Валиной бабушки зазвенел, как трамвайный звонок.

— Елена Степановна, дорогая, вы посмотрите вокруг! — мягко начала разговор Кира.

⁵ Борис Акунин. *Азazelь*.

⁶ Булат Окуджава. *Старый дом*.

Они окинули взглядом помещение и уткнулись взглядом в кота, который сидел на подоконнике и внимательно изучал бумажную розу в керамической вазочке.

— Зачем вам эти салфеточки и букетики из прошлого века?

— Они создают уют!

— Это для вас уют, а молодежь от такого уюта шарахается.

Афанасий решился и осторожно откусил бумажный лепесток. На него никто не обратил внимания.

— Неправда! У нас есть молодежь! Вот! — бабушка ткнула пальцем в сторону Никиты, который тихо сидел на лесенке.

Он никак не отреагировал ни на появление Киры, ни на крики в библиотеке. Уши его были заткнуты наушниками, а руки заняты телефоном.

— Отличная молодежь! — хмыкнула Кира. — Но его одного маловато. Вы не обижайтесь, Плена Степановна, но теперь, когда я пришла, мы все здесь перделаем. Нужно сделать зону вай-фай, поставить побольше компьютеров, купить базу электронных книг...

Перебил Киру страшный грохот, даже Никита вздрогнул и поднял голову, а Афанасий громко икнул, подавившись бумагой.

Бабушка, Валя и Кира повернулись на шум. На полу между стеллажами, раскинув страницы, валялся раскрытый том Большой советской энциклопедии. Над ним вилось небольшое облачко пыли.

Больше всего эта солидная книга походила на барышню, которая хлопнулась в обморок. Кира расхохоталась.

Междуглавие 4

Заговор пугания

— Я вам говорил, не тот тип, не испугается она, — убеждал всех Кинг.

— А может, и не надо ее пугать? — задумчиво произнес Маленький принц. — Мне кажется, она вполне может впустить свежий воздух в нашу библиотеку. Хоть будет с кем поговорить...

— С кем говорить?! — взвилась Энциклопедия. — С этими? Да они не сегодня-завтра нас всех на свои компьютеры поменяют!

— Кстати, — сказал Ильф-и-Петров, — мне говорили, что в компьютерах тоже есть книги. И что нас всех можно поместить в один большой компьютер, и что нас там тоже читают, представляете?

— Что за бред? — возмутился Философский словарь. — С кем ты общаешься?

— С самоучителем. Компьютерным. Мы с ним два дня на полке рядом пролежали. Кстати, а еще он мне рассказал...

— Вот-вот! — Энциклопедия вопила на всю библиотеку. — Якшаешься с кем ни попадя! То с самоучителями, то с людьми...

На полках поднялся гвалт.

— Нечего с ними говорить, — бормотала высокая литература. — Они недостойны нашего внимания!

Детские книги возмущались в уголке:

— Как же с ними не разговаривать?! У них же рот не закрывается, а не отвечать — невежливо!

Ржаной том гнул свою линию:

— Духовность! Какие разговоры без духовности? И еще сильная рука — вот кто заставит слушать!..

Детективы гундели:

— Человек читает, думает, следит за мной. Если я не буду с ним разговаривать, то мне и жить-то незачем, весь интерес пропадет.

Даже серийные книжки-попугайчики защебетали в своем углу.

— А ты с людьми разговариваешь? — спрашивала одна.

— Ой, а как же! Меня когда в руки берут, сразу начинают хвалить, мол, какая я красивая, у меня тут картинка, а здесь, глянь, золотом по серебру надпись. Круто, да?

— Круто! — с завистью сказала вторая. — У меня только звездочки, и то синенькие...

— Тихо! — гаркнул Кинг.

Книги вздрогнули и притихли. Гаркать Кинг умел.

— Мы вообще не о том говорили! — строго сказал он. — Мы думали, как напугать молодую библиотекаршу.

Все задумались. Из дальнего угла, где ютилась литература по медицине и психологии, раздался осторожный кашель.

— Господа, — произнес вкрадчивый голос. — То есть дамы и господа... Хм... интересная оговорочка...

— Доктор Фрейд? — удивилась Энциклопедия. — Вы хотите напугать рыжую?

— Я хочу, чтобы она сама себя напугала. Так надежнее. Уважаемый мистер Кинг, как вы отнесетесь к тому, чтобы поваляться со мной... на полу?

Глава 5

Подготовка к библионочи

Елена Степановна сидела за столом выдачи книг, принимала немногочисленных утренних читателей-пенсионеров и раздраженно перекладывала книжки с одного конца стола на другой. Мысли у нее были мрачные и противные.

«Салфеточки ей не нравятся... Поработала бы тут с моё... Так она мне последних читателей разгонит...»

— Да, Марья Эдуардовна, пожалуйста, проходите! Как ваша нога? Хуже? Ай-ай-ай... Да, конечно, я вам сейчас книжку поменяю. Садитесь, садитесь, я принесу!

«Кому мы нужны с нашими книжками... Скоро последние наши читатели вымрут, как мамонты. И мы вместе с ними...»

Из читального зала послышался грохот.

«Прислали на мою голову! Не дадут помереть спокойно!»

В это время из читального зала выпорхнула довольная Кира, нежно прижимая к груди Кинга и Фрейда.

— Елена Степановна, у меня есть потрясающая идея для библионочи!

— Что?

— Представляете, я нашла их на полу. Их Афанасий обнюхивал!

Откуда-то от батареи донеслось ленивое, но гордое «Мяв!».

Кира продемонстрировала книжки.

— А я как раз думала, что б такого сделать, чтобы подростки к нам пришли. Школьники. Я как эти книжки увидела, сразу все поняла!

— И что же вы поняли? — сухо спросила Елена Степановна, не ожидая ничего хорошего.

— Спиритический сеанс! Дети любят мистику, а если мы вызовем духа какого-нибудь писателя, и он им скажет...

— Кира, я не позволю вам тревожить покойников! К тому же все эти ваши сеансы — абсолютная чушь.

— Если чушь, то мы никого и не потревожим, — улыбнулась Кира. — Я уже договорилась с соседней школой, к нам придет восьмой класс...

— Восьмой? — встрепелась Марья Эдуардовна, до этого тихо дремавшая в сторонке. — У меня внук в восьмом.

— Ну ваш-то читать любит? — улыбнулась Елена Степановна.

— Да он вообще не знает, как выглядит книга, — фыркнула Марья Эдуардовна, — целыми днями сидит за этим своим... компьютером.

— Вот я и хочу попробовать их в библиотеку затащить.

Марья Эдуардовна скептически огляделась.

— Ну, попробуй, попробуй...

Елена Степановна криво улыбнулась. Спорить со своей самой активной читательницей не хотелось. Тогда она мысленно махнула рукой и решила дать Кире возможность самой убедиться в том, что ее идея глупа и бессмысленна.

«В конце концов, ничего страшного не случится. Зато она поймет, что старших нужно слушать. Сама еще ребенок, а туда же... Хочет спасти человечество. А потом придет ко мне плакаться, когда детки тут кавардак устроят! Ну ничего. Мы и это переживем. И не такое переживали...»

И Елена Степановна сказала:

— Делайте что хотите, но я вас предупредила...

Междуглавие 5

Что-то будет

Маленький принц сейчас отчаянно завидовал своему главному герою — тот мог путешествовать с планеты на планету, а книги и на полметра не могут сдвинуться. А так хочется заглянуть за спины этим сумасшедшим людям, которые копошатся между шкафами. И обсудить было не с кем — как-то так получилось, что между Принцем и Ильфом-и-Петровым втиснулись серийные книжки. Теперь друзья оказались в противоположных углах полки.

Впрочем, не одни они пытались рассмотреть происходящее получше. Даже классики перестали думать о вечном и принялись обсуждать ситуацию.

— Слушайте, — взмолился Принц, — вам там сверху лучше видно. Что они делают?

— Рисуют, — принялись перечислять Толстые, — клеят, мастерят...

— Это я и сам понял! А что они рисуют, клеят и мастерят?

Сверху послышалось сосредоточенное сопение.

— А Белинский его знает, — наконец ответил один из Толстых. — Чертовщину какую-то.

Энциклопедия только фыркнула:

— Дикари! Низшая раса!

Толстые ничего не ответили, поэтому и Маленький принц решил промолчать.

Но интуиция ему подсказывала — что-то будет...

Глава 6

Библионочь

— Ух ты! А у вас всегда так?

Группа восьмиклассников во главе с учительницей нерешительно топтались на крыльце библиотеки.

— Не-е-ет! — зловеще прошипела страшная долговязая сущность и убрала под черный капюшон непослушную рыжую прядь. — Сегодня особенная ночь. Ночь, когда читатели...

— Самые вкусные, — перебила ее вторая сущность, маленькая и шустрая.

Первая сущность захихикала. Восьмиклассники неуверенно улыбнулись.

— Но вы не волнуйтесь, — успокоила их первая сущность, — мы сытые.

— Пока... — добавила вторая.

— Заходите!!! — прокричала первая и распахнула дверь. Сегодня библиотеку было не узнать. Собственно, о том, что это была библиотека, а не пещера ужасов, можно было догадаться только по плакату над дверью: «В библиотеке № 1 — БИБЛИОНОЧЬ».

Вчера допоздна по всем комнатам развешивали руки мертвецов из оторванных рукавов, паутину из лески, отрубленные головы (набитые тряпками раскрашенные чулки) и вампирьи клыки (единственное, что пришлось покупать).

Кира в роли долговязой бесформенной сущности водила слегка обалдевших восьмиклассников ведьминскими кругами. По ее задумке круги следовало нарисовать кровью... в смысле, суриком, но Елена Степановна стала насмерть.

— Это вонь! Это химия! Это... краска! Вы хотите, чтобы дети измазали все книги?!

Поэтому круги были выложены красным шнуром. А кое-где белым, но не простым. В середине похода мелкая сущность (Валя) метнулась к выключателю и одним щелчком погрузила библиотеку во мрак. У Киры в руках блеснул болотным огоньком ультрафиолетовый фонарик — и девчонки весело завизжали. Шнуры у них под ногами засияли, как лампочки.

Кира повела фонариком по стенам — и визг повторился: мертвенно-синий луч выхватывал из темноты зловещие знаки и надписи на таинственных, явно древних языках. «Намазала все-таки, — вздохнула Елена Степановна. — Не суриком, так дрянью какой-то светящейся. Фосфором, что ли?»

От расстройства сердце у старого библиотекаря заныло. Она отправилась за валерьянкой в свой кабинет.

Но и после валерьянки сердце продолжало побаливать. И кончики пальцев покалывало.

Елена Степановна прислушалась. Заунывный голос Киры перемежался со звонкой скороговоркой Вали:

— Я вызываю второй том «Мертвых душ»!

— «Мертвые души», здесь ли вы?

Раздался тихий стук. Девчонки привычно завизжали. Кира не дала им разгуляться.

— Спасибо тебе, что пришел, второй том! Что ты хочешь сказать нам?

Стук стал рваным, с большими паузами.

— О! Это он нам азбукой Морзе сигналы подает! Давайте записывать, — предложила Валя.

В читальном зале словно заработал аккуратный дятел. Елена Степановна невольно напрягла слух, хотя азбуку Морзе не знала даже на уровне SOS.

И тут к далекому «дятлу» примешался другой звук, утробный и низкий, на самом пороге слышимости. Елена Степановна замерла. Стук из читального зала казался теперь родным и безопасным. Утробное рычание становилось не то чтобы громче, оно звучало все призывнее. Черная тень начала сгущаться там, куда заведующая поставила пузырек.

Только теперь Елена Степановна сообразила, что почему-то не включила свет в своем кабинете. Она судорожно ткнула рукой в выключатель...

На столе, катая лапой бутылочку валерьянки, урчал библиотечный кот Афанасий.

Елена Степановна подавила в себе желание отодрать за уши наглую тварь и снова прислушалась.

— Мы поняли тебя, о мертвая книга! — в голосе Киры гудели почти такие же нотки, как и у Афанасия.

— Мы записали все буквы! — вторила ей Валя. — П, Р, О, Ч, И, Т, А, Й, Т, Е, П, Е, Р, В, Ы, Й, Т, О, М.

— Он говорит, чтоб первый том прочитали, — пояснила Кира голосом угрожающим, но вполне бытовым. — А не то будет он являться к вам по ночам до скончания века... Кого еще вызовем?

Кот вдруг насторожился и бесшумно исчез. В читальном зале поднялся галдеж, и Елена Степановна не стала слушать дальше. Она тяжело опустилась на стул. Руки дрожали, зуб на зуб не попадал.

— Пусть дети поразвлекаются, — убеждала она себя, — ведь ничего страшного не произойдет. А я завтра уберусь, и все будет как раньше...

Но в глубине души Елена Степановна догадывалась, что «как раньше» уже не будет. Никогда.

Книгам стало холодно. Даже основательные тома энциклопедий словно съежились. Потрепанные собрания сочинений зябко кутались в переплеты. Академическое издание Пушкина успокаивало книжечку пушкинских сказок:

— Ничего... Бояться не нужно... Люди просто валяют дурака. Ты же их знаешь! Вот уйдут — и все станет как было.

Книжечка прижималась к обложке большой книги и чувствовала, как та вздрагивает.

— А если они начнут мстить?

— За что? — спросил Философский словарь из шкафа напротив. — Не мы же их сожгли! И все невольно покосились на полку с собранием сочинений Гоголя.

— Пусть только попробуют, — заявил заклеенный в семи местах Ильф-и-Петров. — Нас много! Если что...

Он не договорил.

Похолодало так резко, как будто кто-то распахнул окна, и свежий весенний воздух ворвался в библиотеку с улицы. В недрах библиотеки раздался утробный вой Афанасия.

Глава 7

Мерцающий том

После кошмара, который помощница назвала «Библионочью», Елена Степановна долго приходила в себя. Ее бросало то в жар, то в холод, то вдруг хотелось сесть и ничего не делать. От стресса обычно помогал Афанасий, который позволял себя гладить и чесать до полного умиротворения, но кот куда-то запропастился.

Чтобы взбодриться, она решила почитать что-нибудь из старого и доброго. Классику, например. Да хотя бы Чехова!

Елена Степановна с трудом вытащила из тесных рядов «Толстого и тонкого». У нее самой была когда-то такая, она по ней читать училась, у бабушки. И, поскольку книжек у Лениной бабушки было совсем немного, «Толстого и тонкого» Леночка перечитала раз пятьсот и в детстве могла цитировать с любого места.

«Интересно, — подумала она, — сейчас получится?»

Елена Степановна открыла наугад и прочитала:

«— А Гоголя?

— Гоголя? Гм!.. Гоголя... Нет, не читал!⁷

— Иван Матвеевич! И вам не совестно? Ай, ай! Такой хороший вы малый, так много в вас оригинального, и вдруг... Даже Гоголя не читали! Извольте прочесть!» Елена Степановна нахмурилась. Она вообще не помнила такого текста в любимой книжке своего детства. То ли из головы вылетел, то ли издание другое. Она еще раз, уже внимательно, рассмотрела обложку. Лица Толстого и Тонкого из-за множества наложенных на них скотчевых заплаток казались сморщенными в какой-то мучительной гримасе. Как будто силились что-то сказать — и не могли. «Что же книга хочет мне сообщить? — Елена Степановна потерла лоб. — Чехов советует читать Гоголя... Классик за классика. Чтобы я больше читала классику?»

Лица на обложке светло, как от уксуса.

«Или другие должны читать классику? Или что-то конкретно про Гоголя?»

Она подняла глаза, разыскивая на полках собрание сочинений Николая Васильевича. Где-то оно было. В четырнадцати томах... Ага! Вон они! Тоже почему-то в самом углу.

Она механически пересчитала корешки, цифры на которых затерлись от времени... Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать... Елена Степановна вздрогнула — ведь точно было четырнадцать. Откуда взялся пятнадцатый? Что там может быть, в этом пятнадцатом?

Или показалось?

Она снова пересчитала — четырнадцать. Елена Степановна с облегчением вернулась за стол, но верхняя полка то и дело притягивала взгляд. Библиотекарь переборола свою неприязнь к практикантке и как можно небрежнее попросила:

— Кира! Будьте любезны, пересчитайте, сколько томов в собрании сочинений Гоголя?

— Четырнадцать! — тут же ответила Кира, которая была занята важным делом: смывала светящуюся краску со стен.

— А вы все-таки проверьте!

⁷ Антон Чехов. *Иван Матвеевич*.

Кира удивленно отложила тряпку и направилась к полкам. Елена Степановна напряглась, прислушиваясь.

— Десять, одиннадцать, — донесся до нее голос помощницы, — двенадцать, тринадцать, четырнадцать... пятнадцать!

Сердце Елены Степановны ухнуло куда-то в желудок. Она не выдержала и несолидным полубегом бросилась к Кире.

К ее ужасу, та уже держала в руках томик с числом 15 на обложке.

— Ничего себе! — у Киры глаза полезли на лоб. — Это же... второй том «Мертвых душ»! Елене Степановне стало мучительно страшно.

— Вы перепутали! — заявила заведующая библиотекой, отняла книгу, но заглядывать на страницы не стала, сразу захлопнула и вернула в строй собратьев.

— Да не перепутала я! — Кира горела энтузиазмом. — Это точно второй том! Мы его вчера вызвали — он и появился! Вы сами посмотрите!

Кира протянула руку к собранию сочинений Гоголя и удивленно отдернула ее.

— Четырнадцать, — пораженно прошептала она. — Четырнадцать...

— Вот видите! — Елена Степановна потащила Киру за руку. — Померещилось!

Кира еще пару раз успела обернуться через плечо — ровный строй гоголевских томов заканчивался четырнадцатым.

— Жаль, — вздохнула она, — это же второй том! Уникальная ценность! Если бы удалось его найти... да за эту книжку дрались бы!

— Да-да-да, — нервно подтвердила Елена Степановна, — Но вы ведь стенку мыли? Давайте я вам помогу! И вот Ник поможет, да?

Ник, который по обыкновению притаился между стеллажами, кивнул не сразу. Он продолжал смотреть на полку с собранием сочинений Гоголя.

...На следующее утро он пришел в библиотеку первым. Пока Елена Степановна мелкими глоточками вливала в себя фирменный чай, Ник, озираясь, подошел к таинственной полке. Пересчитал тома Гоголя.

Зажмурился.

Снова пересчитал.

Довольно усмехнулся и вытянул на свет божий пятнадцатый том. У него был знакомый, который согласился за пятьсот рублей отсканировать и оцифровать книгу. Пятьсот рублей пришлось воровать у мамы, но Ник утешал себя тем, что скоро он продаст уникальный текст за большие бабки и тогда не только вернет украденное, но и завалит маму деньгами.

Междуглавие 7

— Что он собирается с ними делать? — спросил первый том Мертвых душ.

— От-ска-ни-ро-вать, — объяснил Маленький принц.

— А что это? — встревожился первый том.

— Нет такого слова, — гордо заявил Энциклопедический словарь 1979 года издания.

— Нет такого слова, — не менее гордо сообщил тридцать первый том Большой советской энциклопедии, изданный в 1955 году.

— Да не волнуйтесь вы, — встрял в разговор Ильф-и-Петров, просвещенный компьютерным самоучителем, — это значит, что он собирается перевести их в электронный вид.

И Словарь, и Энциклопедия попытались испепелить выскочку взглядом.

— Зачем? — спросил Маленький принц. — А что это? А это не больно?

— Насчет больно — не знаю, — улыбнулся Ильф-и-Петров. — А зачем... может, он хочет выложить их в интернет?

Словарь и Энциклопедия демонстративно отвернулись.

— Нет такого слова, — прошипели они друг другу.

— Это все сленг! — уверенно сказал Словарь, смягчая букву «л».

— И хорошо, если приличный! — возмутилась Энциклопедия.

— Элементарные слова пишут с ошибками, а выдумывают себе новые. Загубят наш исконный, наш русский язык! — всплеснул страницами том с рожью на обложке. Казалось, что рожь от возмущения заколыхалась.

— Послушайте, — нахмурился первый том, — меня очень беспокоит этическая сторона вопроса. Дело в том, что Николай Васильевич сжег эту книгу. И мне кажется, что в данном случае его воля — закон. Мы не должны допустить интернета...

— Нет такого слова! — возмутились хором Энциклопедия и Словарь. — Следите за своим языком! Вы в приличном месте находитесь!

— Но я не об этом! — возмутился первый том. — Сейчас речь не о словах, а о том, что нельзя допустить, чтобы эту книгу отсканировали!

— Нет такого слова! — рявкнул Словарь.

— Нет иноземным словам! — крикнул ржаной том.

— Да идите вы... — первый том сделал мучительную паузу, подбирая слово, которое есть, — в макулатуру!

Глава 8

Упрямые души

Ник ругал себя последними словами. Это ж надо — так лохануться!

Он несся из библиотеки, чтобы успеть отнести редкую книгу другу, а когда пришел, оказалось, что книгу забыл!

Вроде бы помнил, что клал ее в сумку, но, видимо, перепутал. Или мимо сумки положил. Передоговорился на завтра. Неприятно, потому что день потерял, да и вытянутые у мамы пятьсот рублей жгли карман.

По пути домой Ник заскочил в букинистический магазин, узнать, сколько может стоить рукопись второго тома «Мертвых душ», но букинист почему-то рассмеялся. Сказал, что неплохо бы Нику сначала немножко самому книжки почитать, перед тем как пытаться продать то, чего нет. А еще сказал, что если бы нашли второй том «Мертвых душ», то в нормальной стране хватило бы денег на то, чтобы построить десять новых библиотек.

Ник задумался. Во-первых, зачем им десять библиотек, у них и в эту никто не ходит. Во-вторых, на эти деньги можно и компьютерный клуб построить... А в-третьих... У букиниста таких денег явно нет и нужно искать Другого покупателя. Причем искать осторожно, а то еще отнимут книжку, раз она такая редкая.

На следующий день Никита с большим трудом разыскал пятнадцатый том Гоголя и аккуратно положил книгу в сумку.

Но опять его ждало жестокое разочарование — когда Ник прибежал к приятелю, счастливому обладателю сканера, книги в сумке не оказалось.

Ник рвал и метал. Он сразу понял, что за ним следили и что это рыжая Кира (или мелкая Валя) залезла к нему в сумку и вытащила книгу. Даже скорее Валя, которая целыми днями торчит у бабушки в библиотеке.

— Ладно, ладно, мы еще посмотрим, кто кого, — процедил он сквозь зубы и отправился в библиотеку.

Книга стояла на месте. То есть опять не на том месте, где видел ее Ник раньше, но она была. «Мертвые души. Том второй».

Пока Ник разглядывал книгу, в зал абонента вошли Кира с Еленой Степановной.

— Кира, дался тебе этот компьютер! Зачем тебе лишние проблемы, мы и без него прекрасно работаем!

— Елена Степановна, вы просто не знаете, от чего отказываетесь! Ладно, вам не нужен интернет; допустим, вам удобнее работать с бумажным каталогом. Но сканер! Ксерокс! Они-то вам чем не угодили?

Ник чуть не подпрыгнул на месте. Быстро сунул пятнадцатый том Гоголя на нижнюю полку, и выскочил из-за стеллажа прямо перед женщинами.

— У вас есть сканер? — спросил он.

— Да все у нас есть, — вздохнула Кира, — оказывается, уже год в подсобке стоит.

— Я подключу! — выпалил Ник.
— Давайте, Елена Степановна? — Кира смотрела почти умоляюще.
Елена Степановна скривилась:
— Бумажные карточки — это на века, а все эти компьютеры...
И тут в комнату вошла грустная Валя.
— Я его ищу-ищу, — сообщила она, — а его нигде нет... Ник сглотнул и постарался закрыть собой полку, на которой спрятал драгоценный том.
— Кого? — спросила Кира.
— Афанасия. Вдруг его уби-и-или... — девочка шмыгнула носом.
— Да ничего страшного, — бабушка погладила Валу по голове. — Это же Афанасий. Он просто... погулять пошел. Помнишь, прошлой весной он на три месяца исчез. А потом вернулся!
Валя помнила, но все равно собиралась расплакаться. И тогда в разговор вмешалась Кира:
— Валя! Как думаешь, нужно нам тут компьютер установить?
— И сканер! — добавил Ник.
Валя погрузилась в размышления. Все невольно затаили дыхание.
— А принтер есть? — наконец спросила Валя.
— Есть, — кивнула Кира.
— Тогда давайте. Мы отсканируем фотку Афанасия и распечатаем про него объявления!
«Ну и ладно, — подумала Елена Степановна. — Лишь бы девочка не плакала...»

Валя, Ник и Кира четвертый час не отходили от компьютера, что-то пробовали, настраивали, печатали и радовались.
Елена Степановна за ними наблюдала. Чтобы разместить на столе эти противные железяки, пришлось пожертвовать двумя огромными цветами, парой салфеток и одной вазочкой. В зале абонемента сразу стало пусто и неуютно.
— Лучше бы книжку открыли, — в сотый раз бурчала она, проходя мимо веселящейся троицы.
Она чувствовала себя старой, больной, несчастной и никому не нужной. Обошла библиотеку, убедилась, что она пуста — даже всегдашние пенсионеры, которые день напролет читали подшивки газет, разошлись по домам. Хотела по привычке насыпать корма Афанасию, но вовремя спохватилась. Демонстративно долго гремела ключами. Никто в ее сторону даже головы не повернул.
— Кира, запрете здесь все! — громко сказала она.
— Угу! — ответила Кира.
— Валя, ты через час должна быть дома!
— Угу! — ответила Валя.
— Никита, твои родители знают, где ты?
— Угу! — ответил Ник.
Елена Степановна постояла на пороге еще пару минут, так и не придумала, что бы еще такого сказать, и ушла.

Вариант 2

ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

При оценке успешности выполнения задания учитывается владение основами анализа поэтического текста (образный ряд, ритмико-синтаксическое и фонетическое своеобразие), глубина восприятия образа лирического героя и умение истолковать его лирические переживания, умение характеризовать поэтическую индивидуальность автора, а также

умение выражать свои мысли и чувства. Оценивается композиционная стройность, язык и стиль вашего сочинения.

И.Волосюк⁸

Мы – поколение, связанное крепко,
Одною цепью, кабелем одним,
И торрентов вытягиваем репку
Из серых, оцифрованных глубин.

Взрослеем рано, умираем рано,
Живём не так и молимся не так:
«Прости меня, и сохрани от спама,
Убереги от хакерских атак!»

Творческое задание

Мы предлагаем вам выступить в роли экскурсовода. Разработайте маршрут тематической экскурсии. Напишите план и краткое содержание экскурсии по одному литературному месту/ объекту Владимирской губернии: не менее 6 пунктов экскурсионной информации.

Проект должен представлять собой перечень шести визуальных объектов Владимирской «литературной» губернии, которые вы включите в экскурсию. Пронумеруйте визуальные объекты, озаглавьте их, дайте рядом с каждым описание и обоснование его включения в экскурсию.

Модель/образец ответа:

1.Таруса — старинный русский город, административный центр Тарусского района Калужской области. Город впервые упоминается в летописи в 1246г. (как центр удельного владения тарусского князя Юрия, сына св. князя Михаила Черниговского). Название получил по реке Таруса (ранее Торуса, также Таруска), на которой был основан.

2. В начале XX века Таруса стала любимым местом летнего отдыха семьи Цветаевых. Марина Ивановна Цветаева, дочь И.В. Цветаева (4 [\[16\]](#) мая 1847,

⁸ Иван Волосюк - родился 7 января 1983 года в Дзержинске Донецкой области, в семье шахтёра. Выпускник русского отделения филологического факультета Донецкого национального университета. Автор сборников стихов "Капли дождя" (2002), "Вторая книга" (2007), "Продолжение земли" (2010), "Помнящие родство" (2011, в соавторстве). Публиковался в журналах "Побережье" (США), "ЕДИТА" (Германия), "Жемчужина" (Австралия), "Дети Ра", "Зинзивер", "День и ночь", "Южная звезда" (Россия), "Западная Двина" (Беларусь), "Нива" (Казахстан), "Наше поколение" (Молдова), "Донбасс", "Литера_Днепр" (Украина). Член Межрегионального союза писателей Украины (МСПС).. Публиковался в журналах «Знамя», Юность» и др. Жил в Донецке. С августа 2014 года – вынужденный еселенец.

Дроздово, Шуйский уезд, Владимирская губерния^[2] — 30 августа [12 сентября] 1913, Москва) — российский учёный-историк, археолог, филолог и искусствовед, член-корреспондент Петербургской Академии наук (с 1904 г. по разряду классической филологии и археологии), создателя и первого директора Музея изящных искусств имени императора Александра III при Московском императорском университете (ныне Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина). представитель Серебряного века русской поэзии, вспоминала Тарусу как любимый город своего детства и юности. Сейчас здесь есть камень Цветаевой, памятник поэте в городском парке и музей семьи Цветаевых.

5.В городе жили крупнейшие отечественные писатели: К.Паустовский и поэт XX века Н.Заболоцкий. Сейчас в городе открыт Дом-музей К.Г.Паустовского.

6.В 70-е годы XX века в Тарусе бывали поэт И.Бродский, прозаик А.И.Солженицын, Б.Мессерер и Б.Ахмадулина, построил дачу С.Рихтер.